

это ей никогда не удавалось, т. к. мораль, которую проповедовала эта партия, не обладала теми общечеловеческими качествами, которые представлял поэт. Несмотря на это, Союз писателей СССР разместил у заголовка своего центрального органа «Литературной газеты» два изображения — Пушкина и Максима Горького — социалиста-ницшеанца, описывавшего бродяг по окраинам, жизнь которого оборвалась, когда он стал верным лакеем Сталина. ВКП(б) провозгласила обоих каноническими поэтами (в широком и самом высокопарном значении этого выражения) и дала понять, что они оба в равной степени выражают высшие достижения человечества.

В период перестройки Союз писателей поторопился потихоньку убрать изображение Горького с первой полосы газеты. Как воспевавший принудительный труд и репрессии Горький смог оказаться вместе с Пушкиным, вечным мятежником? Уравнивание этих двух людей еще более гротескно, чем смешение неба и геенны огненной, чем вся коммунистическая идеология.

Есть ли в какой-либо западной стране столь безоговорочно почитаемый и прославляемый поэт? Что делает Пушкина практически святым в то время, когда никто не является героем в глазах биографа? Ответ, пожалуй, лежит в том, что в России жива еще мысль о литературе как о выразительнице высших человеческих ценностей и о писателе как их толкователе. Так как эта основная экспозиция признается, ни у кого не возникало особого желания выступать в качестве апостола всеобщей аморальности. Да и кто бы осмелился провозгласить самого себя достаточно великим, чтобы покуситься на Пушкина? Это просто никого бы не убедило. Ситуация изменится тогда, когда в России станет нормой безнравственность и высшие человеческие ценности окажутся вытесненными мыслью о том, что весь мир должен служить лишь удовлетворению самых примитивных потребностей человека. Тогда Пушкин и станет только средством удовлетворения потребности, успех которого каждый будет оценивать по-своему.

Рунеберг и Пушкин

Финскую и русскую культуру символически различает то, что у нас не было своего Пушкина, а был Рунеберг. Образ Пушкина, помимо того, что он исключительно русский, в известном смысле также во многом общечеловеческий. Поэт не оторван от жизни, не ста-

новится патетически восторженным, не лишен чувства юмора, он не заискивает и не приукрашивает. Пушкин не покидает почву действительности, и именно российская действительность делает его тем, в ком нет и не может быть ничего другого, кроме его общечеловечности.

Разумеется, дело заключается в особенностях истории России и условиях того времени. Где еще самодержавие и крепостное право, цензура и чиновничий произвол были бы в такой силе в то время, когда веяли ветры европейского Просвещения и романтики, а молодое дворянство втайне насыщалось новыми идеями. Пушкин не был Байроном, он был далек от него. Его неуместно сравнивать как с итальянскими и французскими, так и с немецкими современниками. Он не являлся Стендалем, хотя и был мятежником по сути, или Гейне, хотя и был весьма ироничен. Пушкина едва ли даже можно представлять романтиком, настолько чужд он был увлечению и поклонению сентиментальности. Пустые клише о ценностях, морали и прочие абстракции ортодоксии у Пушкина не обнаружишь. Напротив, все творчество Пушкина пронизано, как мощным потоком, жаждой свободы, сметающей с творческого пути все препятствия.

В Финляндии Рунеберг стал национальным поэтом, которым все восхищались и стихи которого знали наизусть. Рунеберг стал «всё» Финляндии; он стал финским Лермонтовым, который создал героическую поэму о разрушительной борьбе; он стал финским Жуковским, который написал национальный гимн; и он стал своего рода финским Пушкиным, который, подняв добродетели простых сограждан до уровня светских кругов, сделал их идеалом.

Как и Пушкин, он также писал о любви и цыганах. Рунеберг был веселым парнем, которого Якоб Грот как-то даже упрекнул за «вечные проводы масленицы». Молодой Рунеберг вовсе не был тем холодным гипсовым бюстом на буфете, образ которого позже сформировался у многих. Автор «Писем старого садовника» не чуждался и плотской любви, и обаяния веселого общества.

По мнению Грота и Плетнева, Рунеберг был после смерти Пушкина последним подлинным поэтом в Европе. Рунеберга переводили на русский, его очаровывавшие читателя мысли стали известными в огромной стране. Некоторые стихи, такие как поэма «Надежда», были написаны специально, так сказать, для «русского рынка». Попытка, однако, оказалась неудачной. Пушкиным на месте Пушкина Рунеберг не стал.

Несомненно, Рунеберг был великим поэтом, даже гением. Как и Пушкин, он был национальным гением. Под национальным следует понимать как финскоязычную, так и шведскоязычную финскую национальность, т. к. у поэта и в мыслях не было разделять ее по языковым группам.

В поэзии Рунеберга — лязг классических римских мечей, в его образах — классическая доблесть, немало патетики, но и разудалого юмора. Рунеберг смог создать типажи, в которых народ Финляндии с удовлетворением узнавал себя в то время, прежде чем галерея героев Вайнё Линна оттеснила своих очень аристократичных прешественников в качестве символов финского народа.

Рунеберг, однако, в отличие от Пушкина не стал символом молодости и свободы. В памяти потомков он, разумеется, останется лишь благодаря своему несчастному концу, когда он был парализован. Его творческая сила также не достигала уровня Пушкина, смерть которого на дуэли по истечении времени может казаться почти неизбежной. Но кто может вообразить такое же о судьбе Рунеберга? В России боролись, у нас дрались. Так говорили уже в то время.

Пушкин и Рунеберг в некотором смысле встречались в кругу петербургской интеллигенции. Грот и Плетнев восхищались обоими и знали обоих. Но все же эти два поэта не встречались и никогда не встретятся, т. к. Россия — это Россия, а Финляндия — это Финляндия.

Если Пушкин в России и в наши дни живой классик, это отнюдь не преуменьшается тем фактом, что Россия наших дней немало похожа на Россию пушкинских времен, тогда как в Финляндии далеко ушли от культуры времен Рунеберга. В России все еще есть заказ на свободомыслящих поэтов, вдохновляющих восстания. В Финляндии поэзию провозгласили ненужной еще в 1950-х гг., после этого она уже не поднялась.

Я. Аренберг и тень России

Я. (Юхан Якоб) Аренберг на рубеже XIX–XX столетий был видным деятелем культуры. Прежде всего он был архитектором. В облике его дома сохранились те архитектурные черты, следы которых можно найти во многих общественных зданиях того времени — церквях, казармах, школах и, например, в убранстве императорского рыбацкого домика на Лангенкоски, в савонлинском